

Надежда Кожевникова

В ОПРЕКИ обычным представлениям время отнюдь не всегда ставит все на свои места, и даже скорее наоборот: чем события отдаленней, тем охотнее привирают. С другой стороны, свидетельства, данные в спешке, с опасениями, что интерес к ним вот-вот спадет, тем более не заслуживают доверия. Между тем спрос на документальный жанр, на мемуары разрастается шквально. После пуританизма, навязанного советским режимом, излишества тут понятны: намолчались! И хотя свобода должна сочетаться с ответственностью, умение самих себя сдерживать приходит не сразу.

В нынешнем потоке автобиографий книга Виталия Коротича «От первого лица», опубликованная издательством «Акт» в 2000 году, выделяется своей строгостью. Ничего «лакомого», того, в чем всех превзошел Андрон Кончаловский, читатели в ней не найдут. Сам автор пишет: «Мне кажется, что наш опыт выживания уникален и важен для всего человечества». О всем человечестве судить не берусь, но для нас, соотечественников, то, о чем Коротич рассказывает, полагаю, весьма поучительно.

В тональности книги — и фотография на обложке, скорее свидетельствующая о потерях, чем о победах. Тогда как другие сверстники Коротича — например, Евтушенко, Вознесенский — предпочли предстать лет эдак на двадцать моложе. Высвечивается: им ценно то, какими они были. Коротичу — каков он есть.

Поэт, публицист, он стал всемирно известен как главный редактор журнала «Огонек», первой ласточки гласности. Про Горбачева Коротич сказал: трагическая личность. Но он и сам из того же ряда, из того же списка жертв. Обстоятельств ли, собственного ли характера? Об этом пусть судят читатели.

Он пишет: «Я родился и сформировался как личность в стране, провозгласившей ненависть своим главным чувством. Знаю, каково это, когда тебе завидуют; знаю, каково это, когда тебя хотят уничтожить; знаю, каково это, когда тебя предают...»

Прав стопроцентно, как и в том, что «одна ненависть переливается в другую». И точная самохарактеристика: «Я всегда с болью и даже со злостью воспринимал любое унижение».

Явившись из Киева — то есть в тогдашнем понимании из провинции — в разгар «перестройки», Коротич для большинства, в том числе и для многих моих друзей, возник, как неопознанная комета, ослепляющая неожиданностью. Выслушивая их восторги, мне оставалось лишь им позавидовать. И тогда и потом убеждалась, что осведомленность — скорее бремя, не дающее поддаться состоянию общей праздничности.

Хотя, конечно, я тоже хваталась за каждый новый номер «Огонька», и восхищаясь, и цепенея от очередного разоблачительства.

То, что он публиковал в «Знамени», лучшее благонамеренностью: что называется, проверено, мин нет. А в «Огоньке» открылось, насколько ему тот розовый лепет стоял поперек горла. Ну да, выживал. Кому-то — как с гуся вода. Но у него, Коротича, от обид, от влиятельных вынужденных кровей закипала. Даровитый, самолюбивый, азартный и сам постолюбно себя обуздывавший, как же он, бедный, страдал! И сколько в нем накопилось, прежде чем наконец-то выдалась возможность заговорить в полный голос...

Бывая в Киеве, встречаясь в Москве, видела, как у него, обходительного, обаятельного, вдруг сдают нервы. Ранимость у сильных натур чаще встречается, чем принято думать...

Но, придя в «Огонек», поднял, выдохнул грандиозное дело. С нажимом, жестко, пусть больно,

КОРОЛЬ ЛИР

Виталий Коротич был провозвестником нового времени, которое пренебрегло им самим

разлепил соотечественникам сонные, во лжи слипшиеся веки. И вдруг... ушел. Почему?

В книге он разъясняет этот свой шаг подробно, детально. Про Гушина, который, как он предрек, при любых обстоятельствах останется на плаву; про Юмашева, из отдела писем журнала воспарившего в «семейную» одиозность; про Караулова, втирушу, проныру, которого — могу подтвердить — он, Коротич, первым раскусил. И про новые времена, новую жизнь, что «накатывала немилосердно». Про то, что он сам «из другой команды», горбачевской, а не ельцинской. Но особенно зацепило: «Ощущение усталости нарастало во мне, опускались руки». Я сразу поверила, узнала. И в этом, что ли, типично российская беда?

До сих пор даже очень вдумчивыми исследователями до конца не разгадан феномен Чаадаева. Как, от чего карьерный, блестящий, честолюбивый, соль нации, вдруг... И халат, и затворничество, и подите все к черту! Болезнь? Обостренное чутье? За границу ринулся, принял католичество — все мимо. Не спасло. В зрчках застыл ужас, сумасшедший, а может быть, провидческий. Нет, не Пестель, сочинивший, как известно, в своих проектах для освобожденных от царского гнета сограждан казарменную, концлагерную жизнь.

Не буду, впрочем, ввязываться в исторические параллели, тем более такого масштаба. Существеннее замечание Коротича, что в «советской тревожной жизни... узнавание своих и чужих было предельно важным для самосохранения». Но если такую школу пройти, не возникнет ли ощущение, что чужими ты окружен, приперт к стенке, а своих — раздва и обчелся? Лидер, мне кажется, по природе своей устроен иначе, чем все люди, — и снисходительнее, и поглубже. Чтобы повелевать, на многое надо — плевать.

В Коротиче, на мой взгляд, мощный общественный темперамент сочетался с характером одиночки: люди его утомляли. Умный, пронзительный, он старался любезностью обволакивать собеседников, чтобы не догадывались они, как он зорко все видит, что думает о них. Говорит, что «пытался играть сам по себе», но это возможно, когда пишешь поэму или, скажем, симфонию, а не в политике. И еще: найти покровителей нужно, важно для дела.

Только вот если сближаешься с ними вплотную, а они — первые лица в стране, это уже чревато. Горбачев, надо признать, собрал команду из людей ярких, в отличие от ельцинской, светливой и серой. Но рухнув, практически всех их утянул за собой. Хотя, чтобы удерживать тут дистанцию, требуется виртуозность. Коротич, при всей своей независимости, не сумел. Хотя, наверное, не мне рассуждать о том, с чем на личном опыте никогда не соприкасалась. Но что такое власть и каковы ее плоды, наблюдать пришлось с близкого расстояния. И я убедилась: те, кто ее имеют, получают значительно меньше, чем у них изымается. Теряют по-разному, но крупно. Кто-то — человечность, кто-то — природный дар, кто-то — все разом. По-житейски считается катастрофой, когда с высоты вдруг обрушиваются вниз, в никуда. Но мне на таких примерах открывалось и другое: воскрешение. Человек, власть утративший, вновь обретал себя. За свою журналистскую жизнь я взяла сотни интервью, и самые интересные случались с теми, кому, так сказать, уже нечего терять. «Бывшие», свергнутые,

Виталий Коротич. Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

старика, вдовы дарили царственной мудростью, открывающейся в утратах. Ну что там, «уже написан Вертер»: есть пьеса такая — «Король Лир».

Можно недоумевать, можно назвать слабодушием добровольный уход Коротича с «огоньковского» трона, но мне — это мое личное мнение — представляется: то был королевский жест. И безумный, если маячила надежда, что в изгнании, в опале почести за ним сохраняются. В России?!

Из России вообще никогда никуда нельзя уезжать. И дело не только в режиме, но и в менталитете нации. Тургеневу его же собственный круг не простил парижских зимних сезонов. У нищей Цветаевой коллеги-писатели, сородичи в голицынской доме творчества, изучали ее «заграничные туалеты». Но дело не только и не столько в окружении, сколько в самом отъехавшем: очень трудно снова вписаться, таких, у кого получилось, — единицы. Россия — это вам не Швейцария, где даже если через десять лет приедешь, и уклад, и физиономии консьержек и официантов все те же. А дома чувствовать себя иностранцем — не приведи господь.

Тем более Коротич отъехал ну в самое неподходящее время. Начало девяностых. Путч случился во время его отсутствия. Разумеется, никто не обязан дожидаться на амбразуру, но существуют нюансы: благоразумие, понятное и простительное для частного лица, совершенно иначе воспринимается у лидера, идеолога. И если тебе импонирует рукоприкладство, следует понимать, что твои побуждения, твоё поведение оцениваются уже по особому счету. Народный любимец себе не принадлежит. Это правило, это закон, требующий безоговорочного подчинения.

Кроме того, на заре девяностых не только одна команда сменила другую, но поменялись в корне

времена. Круто, как и бывает в революцию. Неподготовленных сминали, сметали. Либо им приходилось приспосабливаться, обучаться новым навыкам. Ну да, как там у Ленина: учиться торговать.

Драма, в истории много раз повторявшаяся, когда те, кто активно способствовал переменам, ими же и бывал опрокинут. Коротич — провозвестник нового — оказался человеком старой школы. Но, надо отдать ему должное, сам это осознал.

И обиделся — вот в чем сказался характер. Бойцовские качества отказали или, может быть, срабатывали. Знал, как вести себя с монстрами советской системы, но растерялся перед Гушиным, которого никогда не уважал. А взял к себе в заместители, рассчитывая удержать в подчинении. Странно все-таки, что от него с его пронзительностью ускользнуло, что люди, даже невежественные и недалекие, чутки к пренебрежению. Помнят об этом, не прощают, а при случае мстят.

Газета, журнал — это и коллектив, и производство, где хозяин обязан заботиться о благополучии работников. В прежние времена главный редактор, если от жизни не отрывался, выхлопывал для сотрудников льготы, дефициты, удачный момент в беседах, визитах к большому начальству. Помню, как отца распыляла гордость, что удалось ему «выбить» квартиру уборщице в «Знамени». Марте Яковлевне. Не о себе просить, а о «малых сих» было шиком, хотя все же более с благородным оттенком, чем с низменным. Тем более что потребности личные удовлетворялись в пакете, вручаемом вместе с должностью: и пайки, и казенный автомобиль. Если не алчествовало, хватало.

Но прошлое кануло в Лету. Те чиновники, которых Коротич так ненавидел, повылетали из

кресел, пришли другие, «деловые люди», с физиономиями отнюдь не чарующими и неясным прошлым. Данность, реальность, против которых, как известно, не попрешь.

Что Коротич тут отступил, для меня, скажем, понятно: наша семья в таких обстоятельствах и уехала. Но он в своей книге пишет, что намерен был только сменить обстановку, предполагая свой отъезд из страны лишь временной перебивкой. Говорит: вот прежде другие уезжали-де навсегда, а у него билет — в обе стороны.

Шутите! Так не бывает. С Россией по крайней мере не получается. И правильно ему говорили эмигранты, с которым он встречался: нас дома не ждут. И с чего бы? Пословица: свято место пусто не бывает. Странно опять же, что цитирует статью Мандельштама о Чаадаеве, где все разложено по полочкам, а вывод делает вопреки логике обратный.

В его книге рассуждения про эмиграцию — самое уязвимое. Тут его напрочь оставляет великодушье, до того проявляемое к фигурам, компрачкосно режимом изуродованных: к Корнейчуку, Гончару. А о поэте Межирове, кстати, первоклассном, сообщает, что тот получил квартиру в доме для бедных пенсионеров, — и что? Женщина с двумя дипломами о высшем образовании торгует в лавке, куда он, автор, заходит, — и что?

Они — жалкие? А он сам, семь лет проживший в Штатах без жены, без детей, арендующий односпальное помещение в Бостоне, счастливее, что ли? Неужели за семь лет вне дома не уяснил, что большинство уехавших покинули страну не с мыслью разбогатеть, а по совсем другим причинам? Если его так жгли унижения, оскорбления его достоинства, то почему бы не допустить, что и другие тоже памятливы?

Слава богу, теперь эмиграция и прежних волн, и нынешняя не «терра инкогнита» для соотечественников. Когда из страны выталкивали, когда оттуда под смертельным риском сбегали, все происходило иначе. Теперь в первую очередь надобна трезвость для просчета шансов на выживание — и там, и здесь.

Что характерно, «там» и «здесь» в сущности уже совпадают. И не сам ли Коротич за то ратовал? Чтобы каждый знал свое дело, им занимался и соответственно получал.

Поэты — меньше, чем банкиры. Биологи — больше филологов. И так далее, и вплоть до высшей планки, все учтено до мельчайших подробностей: президентам вменяется обладать чемпионской закваской, чтобы, когда мордой по паркету елозят, сохранять улыбку перед телекамерами, несмотря на расквашенный нос.

Но мы, россияне, так долго воспитывались в иных правилах, что сразу нам свою кровную психологию не изжить. Тут в основе не «загадочная русская душа», а культура, выпестованная в нашем народе лучшими представителями многих поколений: внимательность к падшим, способность сопереживать, проникаться сочувствием к потерпевшим, жертвам. Хотя и вот что нам свойственно: мы никогда не умели ценить, признать то хорошее, что для нас было сделано персонально кем-то, что вошло уже в наш обиход.

Виталий Коротич — сделал. Его «Огонек» сломал своего рода «берлинскую стену», в пределах которой российскую прессу теперь уже не удержат. Разве что пулеметами. Хочется верить, что наш народ понимает, что из всего обещанного одно лишь сбылось — гласность. И это, пожалуй, самое важное, что нельзя отдавать.

Удачливостью же Коротича, вместе с его несчастиями, отмечает в нем избранника. Случилась судьба. Он от нее не уклонился. Уважно.

Наверное, он в книге своей ставил другие цели, но у меня, например, после прочтения ее — облегчение. Кто кого и когда обидел — пустое. Движение к пониманию куда как важнее, даже спустя столько лет.

2.10.2000
Коротич Виталий